

РАССЛЕДОВАНИЯ

Российская военная цензура – теперь еще и на итальянском. Запрещено плакать, писать слово "дождь" и цифру "24"

Валерий Панюшкин [Расследовательский проект "Система"](#)

6 октября 2025 года 13:50 мск



Паоло Нори и фрагмент его книги

di guerra, parlano di «operazione di denazificazione e smilitarizzazione dell'Ucraina», e mi è tornato in mente quando anche in Italia si diceva che la guerra in Jugoslavia non era una guerra, altrimenti noi non l'avremmo appoggiata, è contro la costituzione, era anche quella lì una qualche operazione adesso non mi ricordo esattamente di che tipo.

E ho sentito una donna russa che diceva che lei adesso usciva di casa e andava in piazza Puškin, a Mosca, con un cartello con su scritto «No alla guerra».

E ho sentito uno scrittore russo che ho conosciuto, Dmitrij Bykov, che ha pubblicato anni fa una raccolta di nuove fiabe russe intitolata *Come Vladimir Putin divenne Presidente degli Stati Uniti d'America e altre fiabe russe*, che è intervenuto a Dožd' tv e ha detto che c'è solo da avere vergogna, e ha chiesto scusa agli amici ucraini per quel che succedeva.

E poi hanno detto che quella donna che era uscita di casa per andare a manifestare in piazza Puškin non c'era arrivata perché l'aveva fermata la polizia sotto casa.

E ho visto però che in piazza Puškin la gente passava davanti alle telecamere di Dožd' tv con dei cartelli dove c'era scritto «Net vojne», che significa «No alla guerra».

E hanno detto che Ivan Urgant, uno dei più conosciuti conduttori televisivi russi, che ha una seguitissima striscia serale sul Pervyj kanal, il canale governativo, ha postato sui social un cartello con scritto «Net vojne», «No alla guerra».

E hanno detto che il ministro degli Affari Esteri
Paolo Nori/Systema (RFE/RL)

Корреспондент "Системы" Валерий Панюшкин – о необычном перформансе писателя Паоло Нори.

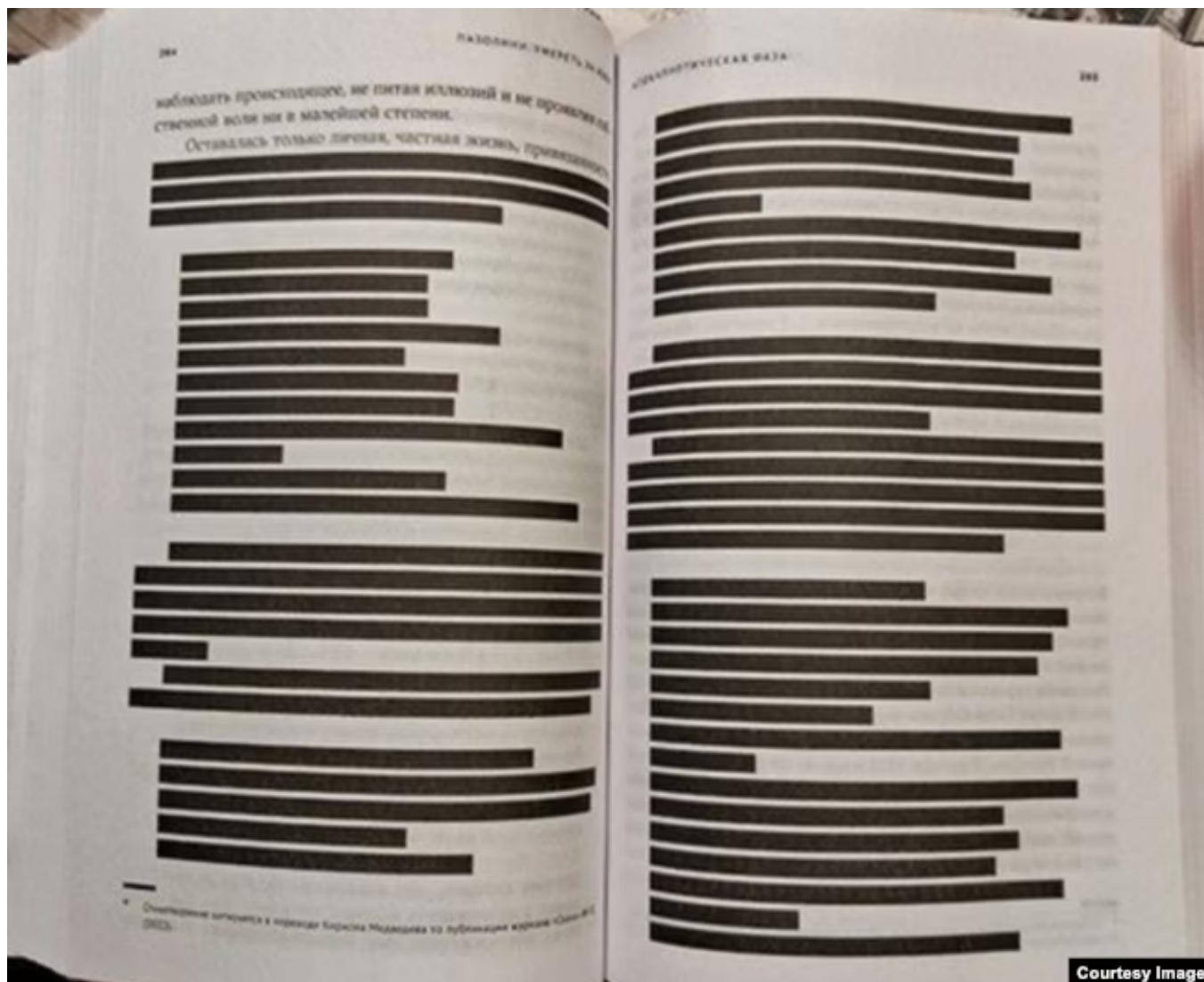
Осенью 2024 года российское издательство АСТ выпустило книгу итальянского писателя Паоло Нори "Невероятная жизнь Анны Ахматовой. Мы и Анна Ахматова". Уже тогда Нори рассказал корреспонденту "Системы", что, дабы не иметь проблем с российским законом, издательству пришлось сделать в книге ряд сокращений и исправлений. Слово "война" в тексте всюду заменено словами "специальная военная операция", вычеркнуты два упоминания телеканала "Дождь", глава, озаглавленная "24 февраля", переименована в "Русские романы", и удалены из текста все фрагменты, где автор

рассказывает о своем отчаянии в связи с полномасштабным вторжением российских войск в Украину.

Издание сопровождается предисловием, в котором Нори сообщает российскому читателю, что книга на русском публикуется не в том виде, в котором написана автором.

Осенью 2025 года издательство "Мондадори" выпустило книгу Нори на итальянском языке дополнительным тиражом, где выделены все фрагменты, не вошедшие в русскоязычную книгу.

Издательская практика печатать книги с купюрами в Италии давно забыта, а в России имеет [многовековую историю](#)  и вновь возродилась. В последние годы с нарочито вымаранными абзацами выходили книги американского писателя Майкла Каннингема, дизайнера Кита Рекера, итальянского литературоведа Роберто Карнеро о режиссере Пьере Паоло Пазолини, но там все же речь идет о гомосексуальности и, приложив патриотическую фантазию, можно посчитать их пропагандой нетрадиционных отношений.



Книга о Пазолини с черными полосами предварительной цензуры

У Нори – никакой гомосексуальности, никакой порнографии, никаких наркотиков. Книги Нори не являются в привычном смысле слова биографиями писателей. Подзаголовок "Мы и Анна Ахматова" тут говорит о многом. Нори рассказывает скорее о своих личных взаимоотношениях с Ахматовой. От этого русская литература для итальянского читателя превращается из далекого и незнакомого явления во что-то близкое, теплое, даже интимное.

Добрую четверть книги Нори посвящает тому, как Ахматова была похожа на его бабушку, какие разговоры об Ахматовой он вел со своей женой, как повлияли стихи Ахматовой на его отношения с дочерью, какую роль для Нори играли русские стихи в реанимационной палате, куда он попал с ожогами после автомобильной катастрофы.

“ Не надо думать, что неосторожная фраза про войну или про режим пройдет незамеченно.

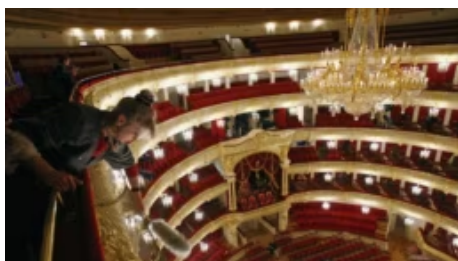
Российский книгоиздатель (анонимно)

Поскольку книга об Ахматовой писалась в 2022 году, значительное место в ней занимают переживания автора в связи с полномасштабным вторжением российских войск в Украину. Рассказывая об Ахматовой, о репрессиях, которым подвергла власть ее семью, а запрете, который долгие годы был наложен на ее стихи, о стойкости, с которой она

переживала все эти несчастья, Нори естественным образом экстраполирует судьбу поэтессы на современность, сам предстает потрясенным жизненными обстоятельствами, то есть войной.

С одной стороны, он любитель и знаток русской литературы, автор диссертации о Хлебникове, книг о Достоевском и Ахматовой. И он не в силах уложить в голове, как это возможно, что страна Пушкина, Достоевского и Толстого бомбит города, где родились Гоголь (Нежин), Булгаков (Киев) и Ахматова (Одесса).

С другой стороны, он – итальянский писатель и профессор филологии. И не в силах уложить в голове, что в связи с войной Миланский университет Бикокка отменяет его лекции о Достоевском. Решительно не может понять, как Достоевский провинился в том, что Путин начал войну в Украине. И почему из-за войны в Украине он, Нори не может больше рассказывать студентам о самом прекрасном явлении, которое изучал всю жизнь – о русской литературе.



СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

"Система": в Большом театре начнут выявлять нелояльных сотрудников – тех, кто "интересуется СВО" и имеет "политические взгляды"

В русском издании книги Нори все переживания автора об абсурдной жестокости войны были вычеркнуты, а все переживания об абсурдной отмене русской культуры в Европе сохранены. И Нори на это согласился – как пояснил он "Системе" – сочувствуя русским издателям своей книги, а не обвиняя их.

Двое российских издателей на условиях анонимности сообщили "Системе", что что купюры с их стороны и впрямь являются вынужденной и необходимой мерой, если хочешь публиковать новые книги. "Сколько уже раз в отношении книжных издательств и книжных магазинов возбуждались уголовные дела!" – говорит один из них. "И не надо думать, что неосторожная фраза про войну или про режим пройдет незамеченной, – говорит другой. – Тут у нас целая армия доносчиков сидит и внимательно, с лупой читает книжку за книжкой".

Полагая, что итальянскому читателю будет интересно, как устроена цензура в России, в новом итальянском издании своей книги Нори выделил все фрагменты, которые в русском издании были удалены или изменены. И предварил книгу предисловием, в котором пишет, что цензурой был даже польщен – подвергся русской цензуре, как любимые герои его книг – Пушкин, Достоевский, Булгаков, Ахматова.

Как именно нельзя плакать об участии России

Некоторые фрагменты книги Паоло Нори "Я предупреждаю вас, что я живу в последний раз. Мы и Анна Ахматова", не вошедшие в российское издание, озаглавленное "Невероятная жизнь Анны Ахматовой. Мы и Анна Ахматова".

~~24 февраля~~ Русские романы

Я люблю романы.

Мне нравится читать роман, который мне действительно нравится,

такое со мной случается три-четыре раза в год, и я обожаю эти моменты, когда возвращаюсь домой и думаю: "Сейчас приду и продолжу читать".

И если взглянуть на мои книги, то большинство романов, которые я прочёл в своей жизни – это русские романы.

Наверное, поэтому я и стал изучать русский, окончил университет по кафедре русской словесности, перевожу романы с русского и преподаю перевод с русского в университете IULM в Милане.

Поэтому я и пишу такие книги, как эта.

Поэтому, когда я проснулся 24 февраля и узнал, что Россия бомбит Одессу и Киев, мне хотелось плакать.

Я не увлекаюсь геополитикой, я занимаюсь другим — литературой, но в первые дни войны я буквально прилип к радио и к российскому телевидению. И с трудом мог думать о чём-то ещё.

На независимом телеканале Дождь, который можно смотреть на YouTube, я увидел одного парня, гражданина России. Он говорил, что родился в Киеве, учился в Киеве, и в Киеве живут его мама и его брат.

И вот однажды утром он проснулся и узнал, что его страна, Россия, бомбит Киев, бомбит его маму и его брата. Потом он замолчал, крепко сжал губы и уже не знал, что сказать ещё.

Ему хотелось плакать — и мне тоже хотелось плакать.

2.5 Родной

И я вспомнил, что Путин, несколькими днями ранее в своей длинной речи, которую я слушал, первым среди прочего сказал, что очень многие граждане России имеют родственника в Украине, кого-то, кто для них "родной".

"Родной" — это русское слово, которое трудно перевести: оно значит примерно "близкий, дорогой", но гораздо сильнее. Оно происходит от глагола "родить". И если русский говорит тебе, что ты ему "родной", это значит, что он чувствует связь с тобой на уровне самой плоти.

Я позвонил двум моим друзьям, которые живут в Петербурге и которые называют меня "родной", и спросил, как они. Они сказали, что у них всё в порядке, что они убиты происходящим, и спросили, как мы.

Я ответил: "Хорошо".

А они сказали: "Держитесь там".

Они. Мне.

Когда меня спросили о моем отношении к тому факту, что мэр Милана заявил, что дирижер Гергиев, который должен был дирижировать "Пиковой дамой" Чайковского в

Ла Скала, сможет выйти к оркестру, только если публично займет антироссийскую позицию, – я сказал, что, по-моему, это как-то уж слишком.

Еще я сказал, что когда из Москвы летят ракеты на Киев и Одессу, — я этого не могу понять. Потому что Киев я знаю по русской литературе, из русской литературы я знаю, что Днепр настолько широк, что орлы, пытаясь его пересечь, на середине поворачивают обратно. А Одессу, Потёмкинскую лестницу, я знаю по русскому кино. И я не понимаю, как русские могут бомбить города, в которые они же сами когда-то заставили меня влюбиться. Единственное, что я знаю — это то, что мне хочется плакать.

Мне вспомнилось, что Путин, когда ему было шестнадцать лет, пришёл в ленинградское управление КГБ на Литейном проспекте, рядом с домом, где жил Иосиф Бродский, и совсем рядом с тем первым петербургским домом, куда идет князь Мышкин, "идиот" Достоевского, домом генерала Епанчина и его трёх дочерей — Александры, Аделаиды и Аглаи, — и спросил, тот шестнадцатилетний Путин, что нужно сделать, чтобы его приняли в КГБ.

Кто-то в детстве мечтает стать космонавтами, кто-то хочет быть футболистом, кто-то — рок-звездой. А он хотел стать агентом КГБ.

Я включил Первый российский канал, государственное телевидение, и услышал, что они не говорят "война", они говорят "операция по денацификации и демилитаризации Украины".

И мне вспомнилось, как и в Италии говорили, что война в Югославии вовсе не была войной, иначе мы бы её не поддерживали, это противоречило бы конституции.

Тогда тоже это называли какой-то "операцией", сейчас уже не вспомню точно, какой именно.



СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

"Ваше сообщение отправлено в ГРУ". Как военная разведка совместно с неонацистом "Топазом" создает телеграм-ботов для вербовки диверсантов



"Система". Расследования. Эксклюзивы

ПОДПИСАТЬСЯ

МАТЕРИАЛ ИЗ РАЗДЕЛОВ:

- В деталях
- Россия
- Европа
- Актуальное
- Расследования

© Настоящее Время. Все права защищены